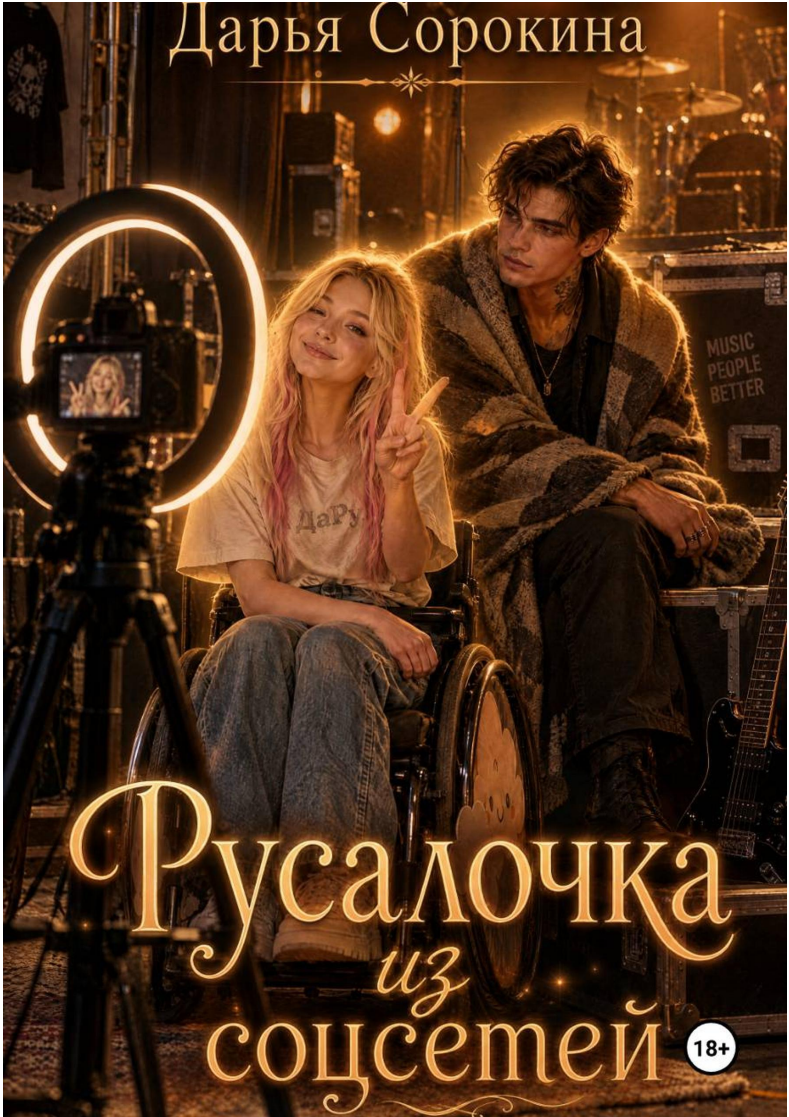

Дарья Сорокина
MUSIC
PEOPLE
BETTER
Русалочка
из
соцсетей
18+

Дарья Сорокина
Русалочка из соцсетей

https://litres.ru/74723142
SelfPub; 2026

Аннотация

Я — блогер. Вся моя жизнь умещается в экран смартфона: сторис, лайки, комментарии и бесконечная любовь к музыкальной группе ДаРу. Каждый мой пост — это способ сказать миру: Я здесь, я живая, я обычная. Даже если мир замечает только инвалидную коляску.

Но однажды в самый темный день на мой «тайный» аккаунт приходит сообщение от безымянного тролля, с которым мы уже год ругаемся в паблике «ДаРу». Одно едкое слово — и я готова заблокировать его навсегда. Но вместо этого зачем-то отвечаю. Так начинается переписка, которая затягивается на долгие месяцы Он умеет рассмешить, поддеть, заставить задуматься — и постепенно становится самым близким человеком, которого я никогда не видела и не увижу...

... ведь как признаться ему, что не обычная девушка? Как не потерять того, кто стал моим тихим убежищем? А главное — что, если его настоящая личность окажется еще более неожиданной?

Содержание

Глава 1 "Одеялко" 4
Глава 2 По ту сторону ширмы 15
Глава 3 Герои ненаписанных черновиков 24
Глава 4 Дома 30
Глава 5 Почему кафельные плитки не любят обниматься? 44
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Дарья Сорокина
Русалочка из соцсетей

Глава 1 "Одеялко"

Телефон то и дело вспыхивал от оповещений. Звук я отключила уже давно, потому что не знала, что сказать моим подписчикам.

«Хей, ваши пожелания здоровья не оправдались. Никакой операции не будет. Я не смогу ходить.»

Очередной всполох.

Все ждут новостей, а я чувствую себя виноватой, что не оправдала надежд и осталась сломанной. Никто не любит фильмы без хэппи-эндов. Да, они трогают сердце, но пересматривать их больно и грустно.

А мне сейчас было именно так. Больно и грустно. А ещё бесконечно одиноко.

Ты можешь быть популярной в сети, можешь иметь кучу подписчиков, но все равно вернешься в пустую квартиру, где даже кошки нет, потому что тебе нужно заботиться о себе, а ты и это едва вывозишь.

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

Провожаю их вместе с катящимися из глаз слезами.

Хочу вырубить телефон и погрузиться в темноту. Мне

сейчас это нужно. Только я и обволакивающее ничто. Дождалась, пока очередное уведомление погаснет, чтобы даже случайно не прочитать ни одного сообщения. Иначе это добьет меня.

Потянулась к тумбочке, но телефон выскользнул из обессиленных рук. Он упал четко экраном вверх, и в этот же миг подсветился очередным входящим от пользователя «Одеялко»:

– Куда пропала, идиотина?

Замерла, вцепившись в край больничной постели, и уже не видела ничего, кроме этого издевающегося сообщения, которое подействовало на меня, словно ведро ледяной воды. Попыталась вновь подцепить телефон, но никак не могла дотянуться.

– Ты же там не померла, фанатка долбанутая?

Стиснула зубы. Жалость к себе мгновенно схлынула, и сейчас меня переполняла злость. Мне очень хотелось написать этому придурку всё, что я о нем думаю. Но телефон лишь подразнил меня очередным сообщением.

– Э-э-эй, тупенькая. У твоего сладкоголосого кастрата вышел новый трек, без тебя в комментах скучно. Давай уже посрёмся, а? Я жд-у-у-у.

Проигнорировала поток очередных оскорблений от своего персонального интернет-тролля, потому что сердце сделало кувырок, а вместе с ним — и я. Потеряла равновесие и растянулась на полу, не чувствуя ног. Наркоз пока не до

конца отпустил, и ватное ощущение в теле все еще вызывало приступы паники.

А что если так будет навсегда? Что если у меня пропадет то немногое, что осталось?

Тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Не сегодня. Сегодня у группы ДаРу новый трек! Как я могла его пропустить?

С тоской посмотрела на тумбочку. Где-то там лежат наушники, которые я теперь не достану. Чувствую себя Алисой в стране чудес. Прежде чем падать с постели, надо было захватить с собой побольше всего. Подушку, наушники и одеяло. Хотя стоп. Одеялко у меня есть. Сталкер, который не пропускает ни одного моего комментария под постами «ДаРу». Всякий раз, стоит мне написать что-то поддерживающее парням из группы, Одеялко тут же в извращенно-издевательской форме перекручивает мои слова и нарывается на срач. И делает он это только с моими комментариями. Хорошо, хоть я тоже пишу под фейковым аккаунтом, а то уверена, он бы и в блоге моем умудрился развести грязь. А мне и без этого сейчас фигово.

– Ну че? Послушала? Как тебе?

Вот ему неймётся, что аж в личку написал. Соскучился по нашим вечным ссорам?

– Погоди. Я наушники посеяла.

Первый раз ответила ему без ругани. Странное ощущение, но и он никогда не писал мне вот так. Да еще и в час ночи.

– Боишься мамочку с папочкой разбудить?

Ладно, это всё еще он. Его хватило ровно на одно сообщение без колкостей и обзывательств. Гаденько ухмыльнулась себе и написала ему в ответ:

– Вообще-то они умерли.

Тишина. Кажется, его проняло, потому что он какое-то время ничего не писал. Вернее, что-то печатал, но затем явно стирал, и я наблюдала за этими метаниями со смесью тоски и горького удовлетворения. Неужели удалось достучаться до интернет-тролля? Или все же вообще не стоило писать ему что-то настолько личное? Но сейчас я сижу на полу в палате совсем одна, и он единственный, кроме врача и медсестер, с кем я заговорила после пробуждения. Может, я, правда, тупенькая? Из всех людей мира я выбрала того, кто уже год пасется под каждым моим комментарием на канале у ДаРу и методично обсирает меня и группу.

– Блин… прости.

Ожидаемое красноречие покинуло его. Я использовала запрещенный прием.

– Забей. Это было давно.

– Серьезно, прости, мне, правда, не стоило писать такое.

– Успокойся, говорю. Сейчас послушаю песню и пойдем обратно воевать в комментариях.

– Угу…

Зашла на страницу ДаРу. Песню выложили всего полчаса назад. Снова открыла личку с троллем:

– Серьезно? И кто из нас двоих долбанутый фанат? Даже я релиз пропустила!

Убавила громкость. Не хватало еще, чтобы медсестры услышали и заглянули в палату. Пару минут назад я ненавидела свой телефон, но теперь я не хочу с ним расставаться.

Затаила дыхание в ожидании исцеляющих строчек от ДаРу.

ДаРу стали самым настоящим интернет-феноменом. В их песнях не было заразительных цепляющих мотивов, они не следовали трендам, не номинировались на премии, и их не крутили по радио, но они собирали тысячные стадионы поклонников. Рецепт успеха оказался слишком простым: они не пели о красивой жизни или дорогих машинах, каждый их трек был историей, откровением, таблеткой от душевных ран. Неразделенная любовь, утрата или искренняя радость от самого обычного дождя. ДаРу могли спеть о простой чашке кофе так, что ты чувствовал через музыку и голос Дани Руднева терпкую горечь и тонул в дымном запахе. Вот кому бы подошел никнейм: одеялко. Мягкое, согревающее и нежное.

Новый трек назывался просто и незамысловато: «Бег». Я впервые не решалась нажать на проигрыватель.

Почему именно сегодня?

Взглянула на свои тяжелые ноги.

Я никогда не бегала.

Может быть, в далеком-далеком детстве. Но я уже и не

вспомню тех ощущений. Смогу ли я в полной мере оценить эту песню, если я ничего не знаю о беге?

Глубокий вдох. Палец неуверенно жмет на экран, и меня обволакивают ударные, похожие на топот тысяч бегунов. Сердце невольно заряжается энергией, пульс учащается, а легкие до боли требуют воздуха.

Ты где-то там,
Но я не знаю адрес твой
Какой дурацкий штамп
Влюбиться в образ сетевой
Ни имени, ни голоса, ни цвета глаз
Со мною такое случилось лишь раз
Я каждый твой пост, как маньяк стерегу.
Скажи мне куда, я к тебе прибегу!
Я буду бежать до боли в груди
Мне лишь узнать, что ты там впереди.
Пусть легкие в клочья, колени в муку
Я буду бежать, а ты будь начеку.
У-у-у-у Ты будь начеку.
Но ты опять не в сети,
И здравому смыслу вопреки,
К тебе мне надо идти,
На кроссах я затяну шнурки.
Ни имени, ни голоса, ни цвета глаз.
Со мною такое случилось лишь раз.
Я каждый твой пост, как маньяк стерегу.

Скажи мне куда, я к тебе прибегу!
Я буду бежать до боли в груди.
Мне бы только узнать, что ты там впереди.
Пусть легкие в клочья, колени в муку,
Я буду бежать, а ты будь начеку.
У-у-у-у Ты будь начеку.
Я с тобою не играю,
Разум мой не выбирает.
Сердцу нужно-нужно-нужно
К тебе бежать Тебе сказать
Что я буду бежать… до боли в груди.
Скорее ответь, что ты там впереди.
Легкие в клочьях, колени в огне
Прошу побеги навстречу ко мне.
Мы будем вместе бежать, но без боли в груди
И будет лучшее ждать нас с тобой впереди.
Воздух не ранит, и ноги летят,
Для нашей любви не будет преград.

Песня затихает, а я никак не отдышусь, словно я на самом деле бежала вместе с Даней, словно он пел мне. Безумие! Песни ДаРу всегда находили отклик в моей душе, но эта… Эта была совершенно другой. Мне нужно было убедиться, послушать еще раз, уловить все смыслы, или, наоборот, разубедиться. Я обычная безымянная фанатка, а Руднев — гений, который смог попасть в цель, поразить насквозь мое глупое сердце.

Я проигнорировала целый сноп вопросительных знаков от Одеялка и нажала на кнопку повтора. Мое тело словно подхватили невидимые воздушные потоки, и…

– Аля!

Я вздрогнула, услышав встревоженный голос дежурной медсестры Нади, и прижала к груди телефон, из которого вырывались пронзительные строки.

– Я… Я уже ложусь, – зачем-то начала оправдываться я.

– Да я не об этом. Ты почему на полу? Ты в порядке? Позвать врача?

А… точно. Я уже и забыла.

– Нет, просто уронила телефон, – я изобразила невинную улыбку, и Надя качнула головой. Не думаю, что в больнице обо мне высокого мнения: на операцию я легла с ярким макияжем и снимала кружочки, пока у меня не отобрали телефон. Издержки моей профессии. Не будет контента, не будет охватов, не будет рекламы, а без нее мне просто не на что будет жить. Я не оправдываюсь — мне нравится то, чем я занимаюсь. Каждый день я пытаюсь доказать, что инвалидность не приговор, но… наверное, это не то, чем гордятся на встрече одноклассников. Я разбираюсь в тинтах, хайлайтерах и мистах. Я протестировала кучу бьютигаджетов, у меня сотни тысяч подписчиков, и на этом всё. Иногда я чувствую себя диковинной зверюшкой в зоопарке, на которую смотрят из любопытства, из жалости или, чёрт знает, изза чего ещё.

– Давай сюда свой телефон, Аля. Тебе нужно отдохнуть.

Я выпятила нижнюю губу и изобразила свой лучший жалостливый взгляд. Интересно, от чего мне отдыхать? Я и так провалялась под наркозом пару часов. Не могли они телефон забрать раньше, когда он не был мне так жизненно необходим? Мне там сам Даня Руднев в любви признаётся.

– Нет, Аля, это на меня не сработает.

Надя нажала на кнопку вызова помощи, и в палату зашёл санитар, который переложил меня на койку. Телефон пришлось отдать, и медсестра равнодушно выключила его, оставляя меня в одиночестве виппалаты без песни, а моего тролля — без ответов. Хотя, если подумать, я впервые не знаю, что написать в комментариях.

Я не ощущала прежних вайбов от песен ДаРу, я чувствовала себя девушкой, которой признался в любви самый горячий парень на планете, в существование которого я едва ли верила. Сама я не была ни на одном концерте Руднева, видела только клипы и редкие интервью, но все они были настолько идеальными, что было проще убедить себя, что Даня — нейросеть. Не существует более прекрасных и светлых людей. Ни один человек не может так глубоко влезть ко мне в душу, не зная ни голоса, ни имени, ни цвета глаз.

О боже.

Мои щёки натурально вспыхнули, а сердце вновь заколотилось.

Я точно не смогу сформулировать ничего путного, чтобы похвалить ДаРу за этот трек. Любые мои слова померкнут от

этого обжигающего признания.

Уткнулась в прохладную подушку, пытаясь воскресить в памяти строки песни, но они дразнили меня единственным словом, которое эхом отражалось в моей опустевшей голове:

– Влюбиться, влюбиться, влюбиться.

Перевернулась на спину и уставилась в потолок. Прямо сейчас я была уверена на тысячу процентов, что Даня пел для меня и больше ни для кого на свете.

Утро началось с обхода. Врач старательно подбирал слова, обрисовывая мои перспективы. Я кивала, принимала, но мысли были слишком далеко от моего неутешительного диагноза. Как будто он скажет чтото новое. Врождённое расщепление позвоночника с очень романтичным названием «Спина Бифида», а после — авария, которая усугубила моё состояние и окончательно усадила в кресло. Я вытащила сразу два лотерейных билета. И вот, когда наконец-то затеплилась надежда, и нашлись врачи, готовые рискнуть, всё в который раз пошло не по плану, и в последний момент оперировать меня передумали из-за каких-то плохих показателей не то пульса, не до давления, не то еще чего-то. Каждый раз новая причина, каждый раз меня душит ком в горле. Хотя сегодня мои мысли впервые далеко от это палаты. В них я бегу, и я очень хочу повторить эти чувства, а для этого мне нужна самая малость.

– Когда я могу получить свой телефон обратно? — я прервала врача в моменте, когда он пытался в очередной раз на-

помнить мне о важности физиотерапии и тут же добавлял: «Но я не хочу обнадеживать».

– Что, простите? — кажется, он даже не сомневается в моих умственных способностях: гореблогерша, которая легла на операцию с макияжем. Но я правда не хотела слушать в который раз одно и то же. Очередные предостережения и призрачные обещания. Я просто устала.

– Телефон. Медсестра вчера забрала, а мне нужно… По работе…

Я почти не врала. Молчать так долго в моём положении не стоило: я многих заставила тревожиться о себе, и нужно было хоть что-то ответить подписчикам. А ещё мне хотелось ответить Дане и своему троллю. И я до сих пор не придумала, что бы мне хотелось сказать своему кумиру. Песня была слишком пронзительной и личной. Ночью я была уверена, что её посвятили мне и никому другому, но сейчас это казалось глупым. Где я и где Руднёв? Кумир сотен тысяч и девица в инвалидном кресле, рекламирующая уходовую косметику и патчи для век.

Глава 2 По ту сторону ширмы

Телефон мне так и не принесли. Либо забыли, либо дали время обдумать произошедшее. Сейчас в тишине палаты я наконец-то прогнала в голове слова моего лечащего врача. Он сказал что-то о прогрессирующем неврологическом дефиците, внезапной гипертензии, что-то о сатурации, и о том, что потребуется какое-то время для стабилизации моего состояния. Я должна продолжать физиотерапию и укреплять организм. Но я чувствовала себя хорошо до операции, больше года следовала всем рекомендациям. Что могло пойти не так?

Посмотрела на свои ноги и вздохнула.

Не сегодня и даже не завтра.

Жаль.

А ведь песня ДаРу могла бы стать гимном моей новой жизни. Бегать, наверное, я бы не смогла, но ходить — возможно.

Откинулась обратно на подушку и принялась в который раз изучать палату. Тумбочка, ходунки, кресло, утка. За ширмой была ещё одна постель, но ко мне никого не подселили. Кажется, об этом договорилась тётя, хотя я и не просила. Я не против соседей. Так веселее. Вдруг со мной бы лежала такая же фанатка ДаРу? И мы бы обсудили новую песню, а затем стали бы перечислять, у кого сколько лимитирован-

ного мерча группы. Вдруг моя соседка даже побывала у них на концерте, и я бы расспросила её обо всём. Да, это было бы здорово. Я так живо представляла себе наш несуществующий разговор, что в какой-то момент мне даже почудился силуэт за ширмой. Я начинаю сходить с ума без своего телефона, теперь это официально.

Через какое-то время моя соседка вдруг стала отвечать мне в моём воображении. И почему-то говорила она со мной мужским голосом. А ещё у этого голоса было имя «Одеялко». Я напряглась, воскрешая в памяти все издевательские посты своего персонального тролля. А с чего я вообще взяла, что он парень? Ничего, кроме его хамских ремарок и совершенно неподходящего ника, у меня не было. Одеялко — это что-то тёплое, нежное и обволакивающее, как голос Дани Руднева, а точно не никнейм для противного сталкера. Ладно, в следующий раз спрошу, парень он или девушка. Судя по всему, ДаРу Одеялку тоже нравятся, раз он следит за всеми их релизами. Либо он не только мой безумный прилипала, но и группу преследует. Я застонала в голос. Почему меня вообще это так волнует? Почему я прокручиваю в голове наш странный разговор? И главное, почему мне неожиданно тепло на сердце, что кто-то незнакомый скучал по мне и волновался? У меня сотни тысяч подписчиков в разных соцсетях, но я думаю о грубияне, которому было важно поругаться со мной вкомментариях, который встревожился, когда я впервые не отметилась под постом группы. Кому-то вдруг

стало важным моё безымянное альтер эго. Это… мило?

Я посмотрела на ширму, словно прямо там сейчас сидит незнакомец, который внезапно заполонил мои мысли. Я не думаю о словах врача и сорванной операции, мне хочется узнать, кто находится по ту сторону, и понять, почему же ему так важны наши перепалки.

Но за ширмой было тихо, и мне не хватало фантазии придумать Одеялку стоящих причин играть со мной целый год в эту странную игру.

Я маялась от безделия, мечтая, чтобы ко мне хоть кто-то зашёл. С анализами, с очередными новостями, с печёным яблоком и кашей на завтрак, с моим телефоном наконец. Я прислушивалась к шагам, шелестящим у двери моей палаты, и всякий раз, когда они отдалялись, пыталась подавить разочарованный вздох.

Только я прикрыла глаза, пытаясь восстановить строки новой песни ДаРу, как дверь наконец-то распахнулась.

— Ох, Аля. Мне так жаль!

Эта фраза уже давно стала мне слоганом по жизни. Поднимаю голову и встречаюсь с влажными глазами моей тёти. Она редко сдерживает эмоции, и мне становится стыдно, что всё чаще именно я — причина её слёз.

Собираю всю свою волю и концентрирую её на губах. Улыбаюсь так искренне, как только могу. Не только ради тёти — ради себя, чтобы не поддаться унынию и не заплакать следом.

Но в голове переливами погребальных колоколов разносится: так жаль, так жаль, так жаль.

Именно это я услышала, когда очнулась в больнице и первым делом спросила о маме и папе.

Это мне повторяют врачи всякий раз, когда я хочу узнать о прогнозах.

Это мне сказал понравившийся мальчик, когда предложила ему дружить.

Но я не хочу, чтобы моя жизнь была полна только сожалениями, даже если она и вправду печальна.

— Врач сказал, что мне нужно укрепить организм, продолжать физиотерапию, и тогда, может, через полгода они попробуют вновь, — успокаиваю я тётю; кажется, ей это нужнее, чем мне. — Как там Ульяна? У неё вчера были вступительные в магистратуру.

Тётя хмурится, словно и правда всерьёз пытается вспомнить, что у собственной дочери вчера был важный день, и мне совестно, что я краду у двоюродной сестры внимание матери.

— Сдала, — раздаётся голос Ули, и моё сердце расцветает, когда я вижу сестру, она зашла следом, видимо услышав свое имя. Я так боялась, что из-за всей этой мороки с моей операцией она не подготовится как следует, но мои страхи не оправдались.

Уля — одна из немногих, кто не жалеет меня и не оплакивает мои ноги. Она не подрывается толкать мою коляску,

не предлагает помощь каждую секунду, и я благодарна ей. Это делает меня сильнее, и я меньше ощущаю собственную беспомощность.

— Поздравляю, — я облегчённо хлопаю в ладоши. — Это надо отметить.

Тётя недоверчиво смотрит на меня, а мне даже стараться не нужно, чтобы порадоваться за сестру: после новой песни ДаРу это вторая отличная новость за сутки.

— Спасибо, сестрёнка, — Уля откидывает за спину свои идеально прямые платиновые волосы.

Тётя немного растерянно переводит взгляд с меня на свою дочь.

— Ты молодец, — устало произносит она, и Ульяна лишь пожимает плечом.

— Как и всегда.

Мне уже хочется поскорее спланировать поход в кафе, и я беспомощно шарю в поисках своего телефона.

Тётя хлопает себя по карману и достаёт мой мобильник. Видя моё волнение, она не торопится вернуть его мне.

— Аля, врач очень просил тебя воздержаться от обсуждения всей этой ситуации в соцсетях.

Не понимаю. Какой ещё ситуации?

— Они боятся, что твоя медийность может навредить больнице. Ты должна понимать: тебе не отказали в лечении, а просто отложили операцию.

А вот теперь я ощутила ком в горле, и не потому, что моя

мечта о ногах откладывалась, а потому что меня посчитали скандальной блогершей. Но я и не думала портить врачам репутацию: я благодарна, что хоть кто-то взялся за мой случай и дал надежду.

Вздохнула.

— Я буду осторожна в постах. Запишу пару безобидных роликов о больничном мейкапе, — неуклюже хохотнула я. — Жаль, у меня с собой нет кольцевой лампы.

Тётя лишь покачала головой, но, кажется, я её убедила. Сейчас мне вновь захотелось остаться один на один со своими мыслями и телефоном.

— Тебя выпишут завтра. Тебе нужно ещё что-нибудь?

Я замотала головой. В больнице отлично кормили, косметичка и вещи лежали в тумбочке. Не просить же их на полном серьёзе принести мне лампу.

Выпроводила тётю и Ульяну, заверив, что со мной всё в порядке и мне не терпится заняться своим блогом. Уверена, тётя не скоро пойдёт домой, а вновь пристанет к врачам с расспросами, пока я не вижу и не слышу. Я благодарна ей за заботу и возможность не вникать во все эти прогнозы и диагнозы. Меньше знаю — меньше разочаровываюсь.

Она вышла, а Уля какое-то время задержалась в палате.

— Твои друзья сходят с ума. Ответь им, а то они забили мою личку тревожными смайликами. Особенно Сева, по-моему, он на грани истерики. Они с Камилой хотят тебя навестить, но им не выписывают пропуск. Ещё двух блогеров

эта больница не выдержит.

— Спасибо! Я правда очень ценю всё, что вы делаете с мамой.

Ульяна понимающе кивнула.

— Будешь должна, — пошутила она и подмигнула.

— Всё что попросишь. Любая коллаба!

Она ухмыльнулась и помахала мне на прощание. Ульяне вряд ли это было интересно. Она учится на факультете международных отношений, не думаю, что когда-нибудь буду ей полезна. Я вообще вряд ли смогу в полной мере отблагодарить её семью за всё, что они сделали для меня после того, как родителей не стало. Мне было шесть, когда мы решили отправиться в ту роковую поездку на море. Я почти ничего не помню и всю цепочку событий восстанавливала уже после: по новостям, по тихим разговорам на кухне, когда все думали, что я сплю. Папа уснул за рулем всего на мгновение… Но этого оказалось достаточно, чтобы множество жизней изменилось навсегда. Хуже всего было тёте. Она потеряла родную сестру, с которой они почти не расставались. Каждую ночь, укладывая меня спать, она прижимала меня к самому сердцу и обещала, что всё будет хорошо. Кажется, ей это было даже нужнее, чем мне. Я кивала и повторяла, что всё обязательно будет хорошо.

После аварии выяснилось, что у меня была скрытая форма спина бифида. После травмы мне потребовалось серьёзное лечение, многочисленные реабилитации позволили пользо-

ваться ходунками дома и сильно облегчили мне быт. Я смогла ухаживать за собой сама, и даже переехала в квартиру родителей, когда мне исполнилось восемнадцать — лишь бы не стеснять тётю и дядю.

Возможно, из-за этого врачи так осторожничают: они боятся лишить меня того прогресса, которого я достигала годами. Нужно набраться терпения. Я ждала столько лет — что мне каких-то шесть месяцев? Ради тёти нужно не унывать. Я сильная!

Включила телефон. Сегодня мне хотелось обойтись без кружочков, и я быстро написала подписчикам, что со мной всё в порядке, и я непременно поделюсь с ними новостями, как только отыщу свой праймер. Поставила подмигивающий смайлик и добавила к нему губную помаду. Получилось убедительно и в моём стиле. Сева и Камила тут же ожили в нашем общем чате и начали сыпать вопросами.

— Это ты, да?

— Аля, как всё прошло?

— К тебе пустят?

Их точно не устроит дежурное сообщение. Я вытянула руку с телефоном и оценила своё отражение. Выглядела я немного бледноватой, но в целом сносно. Голубые глаза горели решительностью, улыбка на губах н казалась слишком наигранной. Волосы чересчур прилизаны — взбила их рукой, придавая им воздушный и неряшливый вид. Идеально.

Включила запись. С Камилой и Севой нет смысла храб-

риться, они раскусят любую фальшь, но я всё равно тщательно подбирала слова:

— Привет. Хороших новостей у меня особо нет. Но и плохих тоже. Операцию перенесли, но прогнозы врачей в целом оптимистичны. Завтра меня выпишут, и я всё-всё вам расскажу. А пока не волнуйтесь, я в надёжных руках лучших нейрохирургов страны.

Остановила запись. Вроде бы звучало убедительно, но, кажется, я потратила последнее на это сообщение, и на меня накатила лёгкая апатия, ровно до того момента, пока не пришло уведомление на вторую симку.

— Я вижу, что ты снова в сети. Ответь. Я обидел тебя вчера?

Мои губы вдруг дрогнули, а с ресниц наконец-то сорвались долгожданные слёзы. То, что я так отчаянно сдерживала внутри, вдруг обнажилось, и мне больше не хотелось надевать броню. Зачем она? Когда есть Одеялко.

— Нет. Не обидел. Но мне очень плохо.

Я отправила сообщение, осознавая, что впервые показала кому-то свою слабость. Иронично, но для этого я выбрала самого неподходящего на всём свете человека.

Глава 3 Герои ненаписанных черновиков

И почему я только решила, что это хорошая идея? Может быть, Одеялко именно этого и добивался — чтобы мне вдруг стало по-настоящему плохо. Теперь его троллья душа довольна, и я ему больше не интересна. Дура. Дура. Дура.

Я ещё какое-то время ждала ответа и уже собиралась снова выключить телефон и вернуться к общению с ширмой — как вдруг пришло простое:

— Чёрт.

Даже для него это странно.

— В смысле… блин… я не знаю, что говорить в такой ситуации. Тебе плохо из-за меня?

— Считаешь, что весь мир вращается только вокруг тебя, да? — съязвила я и тут же пожалела, потому что Одеялко вновь притих. Кажется, я впервые нагрубила ему.

— Эм… Нет. Я хочу разобраться. Если виноват я — это проще всего исправить. Но если тебя обидел кто-то другой, тогда мне нужно его имя.

Теперь я не нашла, что ответить. В груди вдруг стало тесно от нового, незнакомого чувства. Кто-то хочет за меня вступиться. И это… приятно. Я никогда в жизни не показывала ни на кого пальцем, и даже если меня обижали в блоге, про-

сто игнорировала троллей — лишь бы ни в коем случае не натравить на человека своих подписчиков.

Но у моего альтер эго нет подписчиков. Я невидимка. Даже имя не стала придумывать, оставила стандартный набор букв и символов. У меня есть только преследователь с глупым ником. И сейчас мне очень тепло от его слов.

— Нет никакого имени. Просто паршивые обстоятельства.

— Расскажешь?

Я впала в ступор. С одной стороны, мне хотелось выложить ему всё. А с другой — тогда я потеряю единственного человека, который не относится ко мне как к стеклянной. Я не хочу, чтобы и Одеялко начал меня жалеть. А с третьей стороны… я так устала улыбаться и верить в лучшее. Слишком много сторон, блин.

— Да особо нечего рассказывать. Просто иногда не все мечты исполняются. А реальность частенько отправляет меня в нокаут.

— Ауч. Звучит паршиво. Расскажи одно из своих неисполненных желаний.

Проще было бы перечислить, какие я смогла исполнить. Многие из несбыточных хотелок были связаны с моей инвалидностью, куча простых вещей для меня давно недоступны: утренние пробежки, подъём по лестнице, прыжки в воду. Напиши я об этом Одеялку — и он сразу всё поймёт. Но и врать ему я не хочу.

— Я не была ни на одном концерте ДаРу.

Прозвучало как постыдное признание. Кажется, Одеялко с трудом переваривал эту информацию.

— Серьёзно? И после этого ты называешь себя их фанаткой?

О да, он верен себе — не мог не простебать.

Но в чём-то он прав. Наверное, я бы могла попросить Севу и Камилу пойти со мной. Но я никак не могла выбрать удачный момент. Я думала, что после операции обязательно схожу на концерт. Сама. Без кресла. Разделю этот драгоценный момент с ДаРу. Но теперь я уже и не знаю, когда смогу воплотить мечту. Может, не стоило откладывать?

— Никак не получалось сходить. Работа и всё такое.

— Это вполне решаемо. В каком городе ты живёшь?

Я отправила ему кучу ржущих смайликов.

— Заставишь группу приехать ко мне?

— Куплю тебе билет и пришлю почтой.

— Хитренький. Хочешь вот так запросто вычислить мой адрес? Ты же не думал, что я на полном серьёзе расскажу это сталкеру-психу.

Теперь он отправил мне смеющиеся смайлики и добавил:

— Всё как в песне у Руднева: «Скажи мне куда, и я к тебе прибегу». Ты, кстати, так и не сказала, как тебе трек.

И правда. Я до сих пор ничего не написала группе.

— Дурацкая песня.

— А? Почему???

Неужели мы поменялись ролями? Так и знала, что этот чокнутый любит ДаРу. Я прям чую недовольство в куче вопросительных знаков.

— Она слишком обнадеживающая.

Странное объяснение, но я не знала, как лучше описать чувства, которые вызывает у меня трек. Это больше чем невозможное признание в любви, это… Я прикрыла глаза, пытаясь сформулировать мысль, потому что Одеялко потерял своё красноречие и отправил мне новый сноп вопросительных знаков. Что ж, нужно постараться донести до него свои ощущения.

— Я вижу в этой песне историю невозможной любви. Как слушатель я искренне верю, что Даня поёт именно мне. Он влюблён в меня, ничего обо мне не зная, но он любит образ, застрявший в его голове, потому что настоящая я вызову у него лишь разочарование. На деле, конечно же, Руднев поёт не обо мне — просто мне хочется погрузиться в эту тягучую сказку. Только в этих строчках мы с ним герои ненаписанных черновиков. Понимаешь?

— Нет. Как черновик может быть ненаписанным? Он уже есть в блокноте, пусть кривым почерком, неидеальный, с кучей ошибок. Такой и бывает любовь.

Так и знала, что Одеялко не поймёт мою мысль.

— В том-то и дело. Это настолько нереально, что даже в виде черновика не сможет существовать. В этой песне мы с Рудневым герои вот такого ненаписанного черновика, и ста-

новится грустно, потому что нет ни одной вероятности, что он поёт мне.

Какой же бред я несу. У меня и в голове-то фантазии о Дане были слишком смелыми, а сейчас я фактически призналась сетевому троллю в чувствах к своему кумиру. Не то чтобы это было какой-то тайной, но всё равно слишком личное и несбыточное.

— А я вот на сто процентов уверен, что Руднев поёт о тебе. Ну, или если не о тебе, то о нас двоих. Не думаю, что он не заметил нашу ругань в комментариях и то, как маниакально я жду твои сообщения. Это больше, чем ненаписанный черновик. Это реально. Это мы. Это наша песня.

Я тяжело сглотнула. Сердце колотилось так быстро, что услышь его мой лечащий врач — принял бы за аритмию и перенёс операцию на целый год, а то и на два. Прямо сейчас гадкий тролль признается мне в чувствах, и у него это получается не хуже, чем у Руднева. Мои щёки горят, а пальцы беспомощно зависли над экраном телефона. Я не знаю, что ему ответить, — со мной никогда не происходило ничего подобного.

— Дай мне свой номер. Обещаю, что не буду звонить просто так, только если ты опять внезапно пропадёшь.

Неожиданная просьба. Сейчас я общалась с ним с запасной симки. Я почти ей не пользуюсь, и она записана на Ульяну. Наверное, ничего страшного не случится, если я дам незнакомцу этот номер. Он никак не выйдет на меня. К ней

привязан только один аккаунт, с которого я комментирую релизы ДаРу. Даже если бы Одеялко оказался злодеем-мошенником, мой номер ему ничего не даст. Слишком долгая и муторная схема — переругиваться со мной год в комментариях ради… чего? Чем дольше я думаю о своём загадочном тролле, тем больше мне кажется, что он, как и я, попросту прячется за смешным ником.

— Боишься? — его сообщение прервало мои раздумья.

— Немного.

— Я безобидный. Всего лишь ненаписанный черновик.

Я улыбнулась. Цитирует меня. Это немного приятно. Поборола сомнения и отправила ему свой номер. Как же глупо. Ничего глупее в своей жизни не делала!

— Вау. А как мне записать тебя?

Закусила губу и отправила ему первое, что пришло в голову:

— Облачко.

Глава 4 Дома

– Аля! – на два голоса прокричали Сева и Камила, когда моё кресло выкатили в лобби больницы. Мои друзья отменили все планы, чтобы встретить меня и отвезти домой.

– Уиииии! – откликнулась я, поймав недовольный взгляд охранника.

За эту неделю Камила выкрасила пряди в голубой. Она теребила их рукой, пританцовывая на месте. На ней были откровенные ярко-оранжевые леггинсы с пуш-ап эффектом и топ в цвет, который оголял её рельефный животик. А вот Севастьян сегодня был относительно скромным: он всего лишь натянул на себя безразмерную оверсайз-толстовку с гигантской матрёшкой, из которой высыпались все его интернет-образы.

Эти двое были жутко разные. Камила – классическая фитоняшка; я встретила её на просторах интернета, когда искала себе тренера, который не будет повергать меня в уныние. С Севой всё чуточку сложнее: этот парень окончил консерваторию, даже выиграл пару международных конкурсов баянистов, но нашёл себя в скетч-роликах, где в смешных париках изображает девушек различных типажей. Я же перевоплощалась в героинь фильмов и мультиков. Один раз подписчики попросили меня повторить самый яркий образ Севы: манерную блондинку с кричащим и жутко карикатур-

ным макияжем. Я отметила его в описании к видео, а после мы сняли уже совместный ролик, в котором его героиня нашла свою потерянную близняшку. Это была настоящая феерия. С тех пор прошло почти четыре года, и наше чудаковатое трио давно стало чем-то большим, чем просто коллаборация. Теперь мы друзья.

– Зацени. Мы с тобой теперь как Харли Квин. У тебя розовые, у меня голубые.

Камила подбежала ко мне, присела и развернулась к Севе, который вовсю снимал наше воссоединение.

– Сейчас мы заберём нашу русалочку домой и столько всего классного наснимаем, – пообещала на камеру подруга, вжимая мою щёку в свою.

– Полегче, – смеялась я. – На мне нет фиксатора для макияжа, ты мне всю тоналку сотрёшь.

– О!

Камила выудила из сумочки баллончик.

– Я как раз купила на пробу этот продукт. Стойкость до тридцати шести часов.

Сева тяжело вздохнул и убрал телефон.

– Вы серьёзно? Даже сюда рекламу решили впихнуть? Я думал, у нас трогательный момент, а не очередной шопс.

Мы переглянулись с Камилой и рассмеялись.

– Клянусь, – подруга вскинула руки. – Мы не сговаривались, это вышло случайно.

– Конечно, и совершенно случайно у тебя оказался новый

продукт от спонсора! Да я в жизни не поверю. Вы обе ужасны!

Мы показали Севе языки, и он картинно закатил глаза в духе своих героинь. После этого мы в голос рассмеялись, и нас с шиканьем выгнали из фойе больницы.

На улице я дышала полной грудью и чувствовала себя легко, словно и правда стала облачком. Мысли всё ещё витали вокруг наших странных откровений с Одеялком, и я совершенно не думала о сорвавшейся операции, хотя чувствовала, что это нужно будет обсудить не только с друзьями, но и с подписчиками.

– Зайдём в какую-нибудь кафешку? – предложила я. – Три дня без кофе, и у меня уже развился синдром отмены.

Камила скривилась:

– У тебя был бы синдром отмены, если бы в твоём кофе действительно был кофе. А ты льёшь туда сироп литрами и посыпаешь всякой сладкой радужной хренью. Там же весь твой дневной калораж!

– Грешна! – пискнула я и отправила подруге полный мольбы взгляд. – Ну только сегодня, Кам-кам. Я несколько дней питалась пареной и варёной больничной едой. А перед операцией мне вообще ничего нельзя было есть.

– Чит-мил. Но если увижу хоть один видос, как ты хомячишь суши на камеру, я тебя прикончу.

– Да когда такое было-то? – натурально оскорбилась я. И Камила выудила телефон, ткнув меня в лицо моим же видео,

где я обозреваю новый сет в любимой доставке.

– Думаешь, я не слежу? Скоро закончится твоя подписка на бесплатный метаболизм, и тогда никакой тоналки не хватит на твои щёки.

Я надула губки, и Камила перестала ворчать. И да, я скорее не русалочка, а морская ведьма, потому что вес я не набираю. Либо тренировки Камилы вышибают из меня все калории, либо хоть что-то в моём организме работает в нужную сторону. Но пока что я худенькая, даже тощая, и поправляться мне действительно нельзя – это станет серьёзной нагрузкой на мой и без того слабый позвоночник.

Мы завалились в ближайшее уютное местечко, и у бариста при виде нас округлились глаза. Узнал. Может, он сыпанёт мне двойную порцию маршмеллоу?

– У вас есть что-нибудь низкокалорийное и без лактозы? – затянула Камила свою фитошарманку, и бариста растерянно оглядывал меню, словно видел его в первый раз.

– В-вода?

– Ну давай воду. А можешь добавить туда кусочек лимона и мяту?

– Эм-м-м… Наверное, могу. Только надо будет сбегать в магазин…

– Спасибо, красавчик.

У парня разве что слюна не потекла. Это было и мило, и одновременно печально. Камила так никому своё сердце и не отдала. Сева тоже попался на её очарование, но вовремя

очухался – до того, как его сердце успело разбиться на тысячи осколков. Единственное, что любит моя подруга, – это спорт. Вот кому бы понравилась новая песня Дани! Камила мотается по всей стране на разнообразные забеги, гонки героев и прочие испытания. Несколько раз я ездила с ней, чтобы поддержать, а Сева даже вписался в забег на пять километров. Бедняга едва не выплюнул оба лёгких ещё на старте. Даже я бы справилась лучше.

Мне приходит уведомление на вторую симку, и я захожусь чудовищным кашлем, потому что всё маршмеллоу дружно попросилось обратно. Руднёв лайкнул мой комментарий!

ААААААААА!

Камила и Сева понимающе переглядываются.

– Наша маленькая инфлюенсерша, кажется, прочитала что-то о своём кумире, да?

Утвердительно икаю и разворачиваю сообщение. Я всё-таки решила быть честной с ДаРу и написала весь тот поток сознания про героев ненаписанных черновиков, про боль от невозможной любви и самообман. Кто в здравом уме может влюбиться по переписке в наше время? Одеялко практически сразу же нарисовался под моим постом. Он отвесил мне кучу хлопающих смайликов и написал, что я наконец-то поумнела и перестала пускать слюни на бесталанного певца-однодневку.

Э? Разве он не защищал эту песню утром? Что за биполярка? Пока я раздумывала над внезапным лайком от куми-

ра и очередным идиотским комментарием Одеялка, в ленте переписки вдруг появилось новое сообщение. С синей галочкой. Руднёв. Настоящий Руднёв ответил нам. О господи!

«Ребята, вы такие страстные. Признайтесь, вы парочка? Уже год флиртуете в моём паблике».

Моя икота усилилась, и Камила начала набирать на телефоне сто двенадцать.

– Он подумал, что мы парочка! Это катастрофа! АААААА! Скажите ему кто-нибудь! – в голос возмутилась я, а затем телефон выпорхнул у меня из рук. Я лишь удивлённо хлопала глазами, глядя на свои пустые ладони, а Сева помахал им у меня перед лицом.

– Тебе не кажется, что стоит посвятить нас во всю историю для начала?

И правда. Мои друзья ничего не знали о задушевной переписке с троллем. Я говорила им, что меня кое-кто донимает, но не рассказывала ничего про свою двойную жизнь в комментариях у ДаРу.

Вздохнула.

– Вы же никому, да? – тихонько попросила я.

– Аля, у тебя есть наши фотки без фильтров и все исходники к видосам, включая неудачные дубли. Кто кого ещё шантажировать должен? – Камила скрестила руки на груди. – Выкладывай.

Я как могла обрисовала им нашу с Одеялком историю и только когда проговорила всё вслух, поняла, как бредово это

звучит. Я дала стрёмному чуваку из интернета свой телефон. О чём я только думала?!

Мои друзья переваривали услышанное и ничего не говорили. И тут на мой телефон пришло уведомление, которое Сева прочитал вслух нарочито писклявым голосом:

– Ты видела??? Нас Руднёв откомментил! АААААА! Он думает, что мы парочка. АААААА. Прикольно! – Сева покачал головой: – Ничего себе. Вы с ним по одному словарю, что ли, обучались?

Камила заглянула в мой телефон и пальцем провела вверх по переписке, отчего я почти сползла под стол. Про то, что Одеялко признавался мне в чувствах, я ничего не сказала. А его флирт был очень даже конкретным.

– Облачко и Одеялко? – у Севы карикатурно поползли брови вверх – его фирменная мимика, которая приносит миллионы просмотров каждому ролику.

– Ничего не говори! – я замотала лицо волосами от стыда.

– Я и не говорю. Молчу-молчу.

Он очень красноречиво молчал. У него великолепное актёрское мастерство: Сева целый фильм одним только взглядом может отыграть.

– Мне было одиноко, – зачем-то оправдывалась я, понимая, что точно обижу этим друзей. Камила качнула головой:

– И потому ты из реанимации переписывалась с каким-то говнюком, а не с лучшими друзьями?

– Я уже не в реанимации была… Меня перевели в палату,

– продолжала оправдываться, но, кажется, только закапывала себя.

Видя, что я на грани слёз, Камила переменилась в лице.

– Аля, я же пошутила. Эй!

Выдавила из себя улыбку. Да что со мной такое? Я никогда не была такой ранимой.

– Я просто… – дамба, которую я годами выстраивала вокруг своего сердца, начала трескаться, и я изо всех сил пыталась укрепить её подручными средствами. – С ним как-то по-другому, – я вдруг перешла на шёпот. – С ним как… как с парнем.

Это откровение вырвалось слишком неожиданно, и я сама была в шоке от своего признания.

– Как с парнем? Я так понимаю, сейчас моя очередь оскорбиться, да? – спросил Сева и тут же получил от Камилы локтем в бок.

– Аля, тебе реально понравился этот тролль?

И зачем так разоткровенничалась? Я сама-то не верю во всё происходящее. Да, мне было плохо. Да, Одеялко оказался рядом, и мне понравилось. Понравилось очень по-неправильному, но я ничего не могла с собой поделать.

– Ну… было немного весело. Он смешной…

– Он назвал тебя тупой в личку. По-моему, это красный флаг, – встрял Сева.

Я бы поспорила, что это было игрой. Одеялко лишь примеряет на себя роль мерзавца. И так-то я сама ходячий крас-

ный флаг… Вернее, не ходячий.

Хочу прекратить этот разговор, чувствую, что вот-вот скажу лишнее, что-то невозвратное, что надолго обидит моих лучших друзей, которые, скорее всего, просто волнуются. Но они никогда не поймут, каково это – жить и знать, что тебя вряд ли по-настоящему полюбят. Не как подругу или родственницу, а как в песне. У меня было несколько несостоявшихся свиданий, когда я честно предупреждала о своей инвалидности заранее. Мне это казалось правильным, и я не верила во всю эту вселенскую чушь про душевную красоту. А ещё мне не хотелось увидеть разочарование во взгляде при первой встрече. В итоге мне вежливо отказали, и я не виню их. Я поступила честно, они поступили честно – только от этого не становилось легче, и я решила, что хватит с меня этих попыток. Круговорот унижений, разочарований и горечи.

Но вот со мной флиртует интернет-тролль, и я очень стараюсь не представлять в своей голове, как он выглядит, чтобы завтра не начать давать имена нашим детям.

Кошмар.

Делаю над собой очередное усилие и надеваю маску милой оптимистки:

– Я не собираюсь встречаться с ним в реале. Мы просто болтаем, не более.

Я убедительна, мне верят. Это главное.

Но правда в том, что я на самом деле никогда не встречусь

с Одеялком, и не потому, что он редфлаг, а потому, что мне нравится то, что у нас есть, и я не хочу однажды увидеть его полный жалости взгляд или услышать очередное «извини».

Кажется, я успокоила друзей, и мы больше не возвращались к этой теме ни в кафе, ни пока гуляли по парку и снимали всякую ерунду, которую можно будет потом смонтировать и вставить в видео.

Я засмотрелась на разноцветные кленовые листья, и у меня в голове тут же возникла идея яркого макияжа. Набрала самых красивых и сложила стопочкой на коленях. Сегодня же сделаю осенний мейк с какими-нибудь нереально острыми стрелками, как края у листа. В голове я уже перебирала, какие палетки буду использовать. А может, ещё взять эльфийские ушки и диадему? Изображу нимфу осеннего леса. Или это избито? Посмотрела вверх: идеально голубое небо с пухлыми облаками. Сердце забилось чаще. Придумала. Я придумала, что хочу сделать!

– Знакомое выражение лица! – радостно отметила Камила, наблюдая за мной. – Сочиняешь новый образ?

Кивнула. И тут же замерла: я же так всё вытряхну из головы. Надо срочно зарисовать. Вытащила из рюкзака скетчбук и быстро набросала задумку. Облака вокруг глаз или на щеках. Хм… Можно ещё добавить звёздочки и радугу. Я высунула язык, пока карандаш порхал по листку, и Камила щёлкнула меня в этот момент, а затем развернула ко мне снимок.

– Божечки, ты такая милая. Смотри, какие розовые щёч-

ки.

Я правда хорошо вышла, даже без фильтров. На бледном лице расцветал нежный румянец, а в голубых глазах искрился восторг. В такие моменты я в полной мере осознаю, что занимаюсь любимым делом.

Захлопнула скетчбук, преисполненная удовлетворения. Это будет один из лучших моих образов.

С Севой и Камиллой мы расстались у моего дома. Они проводили меня до квартиры, помогли закатить электрокресло в колясочную и пересесть в обычное.

В лифте я встретилась с соседкой сверху.

– Ты в курсе, что твой агрегат занимает кучу места в колясочной? Ты хотя бы не додумалась подзаряжать его в подъезде? Если что, мы на это согласия не давали.

– Я не заряжаю своё кресло в подъезде, – тихо ответила я, стараясь сохранять дружелюбный настрой.

– Всё равно убери. Я подниму этот вопрос на ОСС. А ещё по поводу той полоумной с пианино.

Сглотнула. В колясочной было много места, хватало и для велосипедов, и для детских санок с прошлой зимы.

Вздохнула, мечтая, чтобы лифт поехал быстрее.

На моём этаже меня бесцеремонно выкатили на лестничную площадку.

– Не благодари, – бросила соседка на прощание, и я закусила губу от досады.

К счастью, одна из дверей на этаже открылась, и я с облег-

чением увидела ту самую «полоумную с пианино» – Эльвиру Павловну. Или тётю Элю, как она просила её называть. Аля и Эля. Как мы здорово подобрались.

– Аля! Я увидела тебя из окна, – она всплеснула руками. – Ну как?

Я лишь грустно пожала плечами:

– Мою операцию перенесли на полгода.

– Ох… Хочешь чаю? У меня есть немного времени перед следующим занятием.

Вообще я до сих пор булькала после кофейни, но отказаться от приглашения тёти Эли я просто не могла. Она – лучшее, что случилось со мной после переезда сюда. Каждый день я с восторгом слушала, как она занимается музыкой с учениками, и один раз даже сделала макияж, вдохновившись её старым фортепиано, стоящим в гостиной. Я нарисовала на веках чёрные и белые клавиши, а стрелки сделала в виде нотного стана. Тётя Эля пришла в восторг от моего образа.

Я чувствовала удивительное родство с этой творческой женщиной и с удовольствием слушала её истории, особенно о внуке-музыканте, который живёт в Германии.

– У него просто феноменальный, абсолютный слух! Он уже в три года играл «К Элизе» без нот.

Я кивала, отхлёбывала крепкий чай и вместе с ним – терпкую грусть своей соседки. Кажется, от этого внука давно не было никаких вестей, потому что все истории о нём были старыми, как детское фото на фортепиано.

– Твои ключи, – соседка протянула мне связку. – Я поливала цветы, как ты просила.

– Спасибо, что согласились, – я сжала в ладони еще теплый металл. – Я ведь думала, что задержусь в больнице надолго. Но вернулась гораздо быстрее.

– Ты только не сердись, Аля. Я прибралась у тебя по мелочи: пыль со шкафа протёрла и окно на кухне. Больше я ничего не трогала. Ты большая молодец и справляешься просто великолепно.

– Ой. Давайте я заплачу вам за хлопоты, – я потянулась к телефону, но тут же сжалась под строгим взглядом тёти Эли.

– Даже не думай. Мы не чужие. Мне вот было бы приятно, если бы кто-то прибрался у меня дома, пока я в больнице.

Я хотела было заверить, что если она вдруг попадёт в больницу, то я непременно буду у неё убираться и поливать цветы, но вовремя одумалась. Даже в моей голове это прозвучало не очень. Надеюсь, тётя Эля никогда не попадёт в больницу, и мы ещё очень долго будем пить чай на её кухне.

В дверь позвонили. К соседке пришла ученица, и я поторопилась к себе. У порога я столкнулась с девушкой с нашей лестничной клетки. Кажется, Оля. Нас уже трое: Эля, Оля, Аля. У неё чудесный голос, и тётя Эля очень хвалит её – почти так же горячо, как своего внука.

– Привет, – поздоровалась я с девушкой. – Ты классно поёшь!

Оля вдруг залилась краской и прижала тетрадь к груди.

– Ты слышала? – её светло-карие глаза округлились и стали похожи на два блюдца с чаем.

– Ага.

– Убейте меня, – она спрятала лицо за тетрадкой.

– Мне очень понравилось. Обязательно продолжай. А если вдруг тебе понадобится крутой макияж для выступления – приходи ко мне. Сделаем тебе классный образ.

– Не думаю, что я когда-нибудь буду выступать, – буркнула она из-под тетради. – У меня всё схлопывается напрочь от одной только мысли петь на публику.

Ох. Я не успела придумать ей дельного совета. Эльвира Павловна пропела из глубины квартиры, аккомпанируя себе на фортепиано:

– Леля, торопись, я тебя тут жду.

– Прости, – рассеянно сказала Оля и поспешила на занятие.

Я улыбнулась ностальгическим мыслям, вспоминая свой первый неуклюжий ролик в соцсетях и тонну негатива, которую получила за свои кривые стрелки. Тогда я не могла оправиться целую неделю, и всю ту бесконечно несчастную неделю училась делать не кривые стрелки. Спойлер: семи дней мне не хватило, но под следующим роликом гадостей стало уже чуть меньше. Интересно, моя история вдохновила бы Олю – или только сильнее напугала?

Глава 5 Почему кафельные плитки не любят обниматься?

Едва я переступила порог квартиры, как телефон завибрировал. На этот раз звонила тётя. Настоящая. Совсем забыла отчитаться ей, как прошла выписка. Я убедила её, что сегодня можно не отпрашиваться с работы: меня заберут Сева и Камила. Но, видимо, несколько часов молчания подействовали на тётю разрушительно.

— Я дома. Всё хорошо! Засиделись в кафе, а потом я ещё выпила чаю у Эльвиры Павловны, — протараторила я, бросая ключи на полку.

— Как ты себя чувствуешь? Мне приехать? Приготовить ужин?

Она не меняется и всё ещё переживает за меня. Когда я только съехала от неё в квартиру родителей, тётя звонила мне каждые два часа и навещала через день.

— Я закажу что-нибудь. У меня накопились промокоды на бесплатную доставку.

— Давай приеду.

— Я собиралась немного поработать. Без контента я теряю охваты, нужно срочно что-нибудь записать, — ответила я, надеясь, что это не прозвучало грубо. — Вы с Ульяной уже отметили её поступление?

Тишина. Неужели тётя опять забыла?

— На выходных, — быстро ответила она. — Ты будешь?

— Угу. А пока я жутко хочу помыться и поработать.

— Аля, аккуратнее в ванной. Напиши.

Я вздохнула.

— Как всегда.

Принятие ванны давно перестало быть для меня приключением. С тех пор как я стала активно вести свой блог, мне предложил сотрудничество ряд брендов, производящих специализированные товары для инвалидов. Мне обещали выгодный бартер и скидки, хотя некоторые моменты сильно меня смущали. Одним из условий получения спецванны и её установки было показать, как всем этим пользоваться. Я долго обдумывала, смогу ли снять видео о том, как моюсь. Но на помощь пришла Камила.

— Сколько-сколько стоит такая штука? — она развернула картинку шикарной ванны со съёмной боковой панелью, сидушкой и гидромассажем.

— Дорого… — вздохнула я. Тогда я слабо представляла, как накопить на что-то подобное, но такая покупка казалась мне большим шагом к самостоятельности.

— И что они хотят?

— Обзор. Как я тут… моюсь.

— И в чём проблема?

Она шутит?

— Мне надо быть в купальнике? Я не хочу, — я почти

плакала от досады. Мне никому не хотелось показывать свои ноги и вообще себя.

— Давай сделаем всё в твоём стиле. Яркий макияж и костюм из мультика.

— Из какого? — я слабо не представляла, какой косплей подойдёт для демонстрации ванны, и Камила закатила глаза.

— Русалочка, Аля, это же так очевидно. Наденем на тебя хвост и блестящий топик. Видео станет таким вирусным, что они должны будут тебе три ванны подарить!

Тем же вечером мы заказали хвост и расписали идею спонсору. Те пришли в восторг.

Видео действительно завирусилось, и после него за мной навечно закрепился псевдоним Русалочка Аля.

Мне понравилось. Не пришлось придумывать самой. Как только дело доходило до изобретения фирменного жеста, реплики или приветствия, я творила на камеру какую-то лютую дичь. Я допускала двусмысленные оговорки, сбивала со стола предметы, а один раз так глубоко вдохнула, что мне в рот затянуло мою же прядь волос, и я с выпученными глазами пыталась откашляться.

Подруга сказала, что в этом моя фишка и я безумно милая, когда творю нечто подобное. Я же считаю, что от трешстрима меня отделял один крохотный шажок. Я чуть не померла в прямом эфире, подавившись своими волосами.

— Зато ты естественная, подписчикам такое нравится. Не нужно тебе ничего менять и придумывать.

Естественная. Пфр.

Я остановилась перед зеркалом в прихожей. За три дня в больнице я заметно исхудала, и стала напоминать паучка. Мои тощие руки перебирали колёса, словно паутину. Жуть. Если бы не мешковатые джинсы, мой образ было бы не спасти. Розовые пряди чуть потускнели, и я планировала их подкрасить.

Укатила в ванную и принялась разводить пигмент, а затем включила на телефоне песню Дани.

«Я каждый твой пост как маньяк стерегу. Скажи мне куда — я к тебе прибегу-у-у-у.»

Приплясывая в кресле, я раскладывала на бортике средства по уходу: гель для душа, бальзам, маску для волос. Я тонула в знакомых ароматах и мечтала поскорее забраться в ванну. Может, я правда русалочка? Подтянулась на руках, забралась на прорезиненную сидушку и включила воду, попутно бросая себе под ноги разноцветные бомбочки.

Вот он, мой рай.

«Мы будем вместе бежа-а-а-а-ать. Но без боли в груди!»

Интересно, Даня имел в виду кого-то конкретного? Или он действительно вдохновился нашей с Одеялком руганью? Это было бы забавно. Мне ещё никогда не посвящали песен. Жаль, что мне и придётся разделить этот момент с тем, кто совсем не заслужил упоминаний в текстах ДаРу. Одеялку они совсем не нравятся — ну и где тут справедливость? Я целый год писала посты, но на меня обратили внимание

только благодаря хейтеру.

Бесит.

Выдавила на руку гель для душа . Приторно конфетный. Он пах одновременно всеми сиропами на свете. Но даже ему не удалось унять моё раздражение. Одеялко умудрился вторгнуться в мои мысли именно тогда, когда я планировала расслабиться за спа-процедурами. Он словно где-то рядом: сидит в тёмном углу и посмеивается, как маньяк. Жуть. Выставила на телефоне авиарежим. На всякий случай. Вдруг в моём телефоне какой-нибудь шпионский софт. Потом надо бы прокатиться по квартире и проверить все углы, а после завести добермана.

Никто у меня в квартире, разумеется, не прятался, но из-за этой глупой паранойи мне не удалось нормально помыться. Я быстро прокрасила пряди и мучительно долго выжидала время, прислушиваясь к шорохам. Я даже была готова написать Камиле или Эльвире Павловне, а лучше всем сразу, чтобы они пришли мне на помощь.

А вдруг он вообще заделался учеником тёти Эли, сделал дубликат моих ключей и теперь каждую ночь, как Эдвард Каллен, будет таращиться на меня во сне?

Хммм. А вот это почему-то меня не сильно напрягло, и я простонала в голос. Нельзя, нельзя думать о нём вот так. Прямо сейчас Одеялко должен пугать меня, а не вызывать желание открыть все двери и окна. Но это хотя бы успокоило мою панику — я нормально домылась и принялась выби-

раться из ванной.

Я ухватилась за подлокотники кресла и подтянулась. Делала это кучу раз, но всякий раз, глядя на пол, задавалась вопросом: почему кафельные плитки не любят обниматься? Вместо этого они с радостью отобьют тебе зад, если поскользнёшься.

— Зато Одеялко, наверное, любит обниматься, — пронеслась в голове нездоровая мысль, и я язвительно ответила сама себе:

— Одеялко может оказаться каким-нибудь старым извращенцем. Ты уверена, что хочешь обниматься с ним?

Но голос не унимался:

— А ещё он может оказаться красавчиком, как Даня Руднёв. Тёмные взлохмаченные и волосы, словно он только вышел из душа и включил фен секунд на десять. Они влажные, и капли воды стекают по его шее, обводят узор татуировки, а затем скользят в вырез чёрной рубашки, расстёгнутой на пару пуговиц.

Мне потребовалась вечность, чтобы осознать: весь этот воспалённый бред я несу вслух.

Одеялко не похож на Руднёва. Руднёв как минимум не использует в своём лексиконе слова «тупенькая», «идиотина» и «фанатка долбанутая».

Не понимаю, зачем я вообще их сравниваю.

Вздох.

Квартиру я всё-таки проинспектировала. Никого. Даже не

знаю, огорчило меня это или обрадовало. Заглянула в холодильник. Ничего, кроме намороженных впрок куриных грудок и пакетов с брокколи. Нет уж. Не сегодня. Вывела телефон из авиарежима, чтобы заказать себе поесть, — и экран тут же подсветился входящим вызовом с неизвестного номера. Из больницы звонят? Я что-то забыла забрать? Вполне. Пакет с трусами в тумбочке, например. Господи, только бы не это. Только не снова. Надеюсь, они просто хотят справиться о моём самочувствии?

— Алло?

Тишина. Ну точно подбирают слова, как поделикатнее спросить меня о забытых трусах.

— Если я что-то забыла в палате, просто выбросьте. Там не было ничего ценного. Ха-ха. Простите. В смысле если там было бельишко от Mira Lorro, то оно суперценное, конечно. Я поддерживаю этот бренд. Всю их линейку удобных бесшовных трусиков.

— Облачко? Ты лежала в больнице?

Воздух застрял у меня в лёгких, и я в ужасе отбросила телефон, словно он внезапно превратился в гигантского слизня.

Это он! Это он! А я только что выдала самый грандиозный словесный понос в своей жизни.

Забираю назад свои слова про кафель. Как хорошо, что он жёсткий, вернусь в ванную и ушатаюсь об него прямо сейчас. Надеюсь, я уже лежу там без сознания, и мне всё это

грезится в бреду. Да-да. Это не может быть правдой. Одеялко не позвонил мне. Я не прочитала ему монолог о трусах, достойный вирусного рекламного ролика. У этого парня не оказалось самого сексуального голоса на планете, которым он очень встревоженно со мной заговорил.

Зажмурилась в ожидании чудовищной мигрени. Ну же! Вот я валяюсь на полу ванной, и… ни фига. Я на кухне, телефон под холодильником, и Одеялко, кажется, обещает вызвать мне с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.